

Когда Юнь Шэн вошёл в дровяной сарай, трое в комнате переглянулись. Юнь Цзин быстро подошёл к двери и закрыл её, затем повернулся к Яо Цуйфэнь и серьёзно сказал:

— Матушка, в эти несколько дней не придирайся к нему. По возможности уступай ему во всём.

Яо Цуйфэнь не понимала зачем, но раз сын сказал, значит, у него была причина. Стоило вспомнить об этой проклятой свадьбе, как она снова мысленно выругалась: будь неладен этот охотник, одни неприятности от него.

Молчавший всё это время Юнь Тяньмин кашлянул и хрипло спросил:

— Так что ты теперь думаешь, Цзин-гэ? Если не хочешь выходить за него, я поговорю с охотником, пусть он...

Он не успел договорить, как Яо Цуйфэнь хлопнула ладонью по столу и сердито уставилась на него.

— Поговоришь? Мы сегодня ещё были в поле, а он сам пришёл и прямо заговорил о брачной грамоте с Цзин-гэ!

Она похлопала себя по щеке и с отвращением продолжила:

— Разве не очевидно, что он на нашего Цзин-гэ глаз положил? Я тебе скажу, Юнь Тяньмин: если ты так не любишь Цзин-гэ, не обязательно спешить вытолкнуть его из дома! Как ни крути, наш Цзин-гэ всё равно лучше твоего никчёмного сына!

На лице Юнь Тяньмина мелькнул гнев, но тут же исчез. Он облизнул сухие потрескавшиеся губы и спросил Юнь Цзина:

— Тогда что ты собираешься делать?

Юнь Цзин посмотрел на них. Выражение, словно мир рухнул, давно исчезло с его лица. Он с сомнением глянул на отчима: обычный крестьянин без особых способностей, чуть что — начинает мяться и колебаться. Всё-таки не родной отец, разве станет всем сердцем думать о нём? Об этом деле пока нельзя рассказывать Юнь Тяньмину. Вдруг тот передумает, пожалеет собственного сына — тогда не только весь план развалится, но и репутация Юнь Цзина пострадает. Пусть всё свершится, а потом отчиму уже останется только подыграть.

Подумав, Юнь Цзин улыбнулся, ласково подошёл, обнял Юнь Тяньмина за руку и мягко сказал:

— Об этом отцу не нужно беспокоиться. У меня есть способ. Вы и так каждый день тяжело работаете, не стоит ещё из-за моих дел тревожиться. Кстати, сегодня на утреннем занятии

учитель меня похвалил, сказал, что мои сочинения стали лучше. На экзамене я точно займу хорошее место.

Услышав это, Юнь Тяньмин улыбнулся так широко, что всё лицо покрылось складками. Он похлопал Юнь Цзина по руке и с гордостью сказал:

— Хорошо, хорошо! Всё-таки наш Цзин-гэ самый способный. Теперь семье Юнь наконец есть чем гордиться.

Юнь Цзин натянуто улыбнулся ему в ответ. «Человек из твоей семьи Юнь сейчас как раз сидит в дровяном сарае».

—

Юнь Шэн опустил голову к медицинской книге в руках. В ней были в основном изображения лекарственных трав и пояснения к ним. Даже если кто-нибудь увидит, он сможет сказать, что просто рассматривает красивые картинки.

Услышав движение во дворе, он отложил книгу, подошёл к двери, осторожно приоткрыл её и выглянул наружу. Яо Цуйфэнь и Юнь Тяньмин, похоже, собирались в поле, а Юнь Цзина дома будто не было.

Юнь Шэн думал, что Яо Цуйфэнь максимум даст ему немного передохнуть, а потом снова придёт пинать дверь и гнать на работу. Но никто так и не появился. Судя по тому, как эти двое собирались, брать его с собой они тоже не намеревались. Просто чудеса. Что сегодня с этими троими? Похоже, и правда решили дать ему целый день отдыха.

Не успел он закончить мысль, как Яо Цуйфэнь положила мотыгу и направилась к нему. Юнь Шэн поспешно вернулся на соломенную кровать. Медицинскую книгу он заодно сунул под одеяло. Когда он полулёжа устроился на постели, дверь как раз открылась снаружи.

Юнь Шэн приподнял тонкие брови. Его бедная дверь впервые не распахнулась с грохотом от пинка.

Яо Цуйфэнь посмотрела на полулежащего Юнь Шэна, открыла рот, но вспомнила слова сына, который только что отвёл её в комнату. Ей пришлось проглотить привычное «маленький ублюдок». Обычно она никогда не показывала Юнь Шэну доброго лица, поэтому, когда теперь попыталась выдавить улыбку, черты исказились так, что она стала похожа на старую ведьму.

— Юнь-гэ, утром тебе было нездорово. Сейчас получше? Сегодня оставайся дома и как следует отдыхай. Мы с твоим отцом сами пойдём в поле.

Этот тон...

Юнь Шэн аж передёрнулся. Почему от неё так ещё страшнее, чем когда она ругается? Он с трудом выдавил:

— Хорошо!

После этого Яо Цуйфэнь вышла. Юнь Шэн смотрел ей вслед, сильно прикусил губу — ай, больно. Значит, не сон. Мачеха впервые в жизни даже закрыла за ним дверь.

В голове роилось слишком много вопросов. Он несколько раз прошёлся по кругу, но так ничего и не понял.

Да и ладно. Не ругают и дают отдыхать — чего ещё желать? Он вернулся в главную комнату и осмотрелся: Юнь Цзина действительно не было. Раз делать нечего, Юнь Шэн взял купленные утром сладости и пошёл к соседям, в дом Шэнь Жаня.

Шэнь Жань сидел под деревом во дворе и играл с маленьким племянником. Юй-гэ держал в руках сладость, откусывал маленькими кусочками и, глядя на Юнь Шэна, сиял широкой улыбкой.

Выслушав рассказ Юнь Шэна о странностях дома, Шэнь Жань тоже ничего не понял. Он задумчиво потёр подбородок.

— Всё равно будь осторожен. Мне кажется, Юнь Цзин и остальные ничего хорошего не задумали.

Юнь Шэн кивнул.

— Угу, не волнуйся. Буду внимателен!

Он взял ещё одну персиковую слойку и положил её в уже пустую ручонку Юй-гэ. Мальчик зажмурился от улыбки и сладко, мягко сказал:

— Спасибо, брат Юнь! Брат Юнь самый хороший! Я больше всех люблю брата Юня!

— Угу, умница, — улыбнулся Юнь Шэн и погладил его по голове.

Шэнь Жань сидел, нахмутив брови, и с тревогой смотрел на Юнь Шэна. Если что-то внезапно становится слишком необычным — значит, точно скрывается беда. Он ведь не как остальные жители деревни, которые не знают правды. Те говорят: «У Яо Цуйфэнь такой хороший сын! Она воспитала Юнь Цзина вежливым, он даже Юнь-гэ защищает — значит, в душе добрый человек».

Каждый раз, слыша это, Шэнь Жань презрительно дёргал губами. «Добрый»? Да их дома стоят почти вплотную! Он не раз слышал, как Юнь Цзин подливает масла в огонь и заставляет Яо Цуйфэнь ругать Юнь Шэна ещё сильнее. Теперь их отношение изменилось так резко — разве что молнией их ударило. Иначе точно что-то замышляют.

В этот момент кто-то слегка похлопал его по плечу, а затем прямо к губам поднесли кусочек персиковой слойки.

Шэнь Жань посмотрел на разгладившиеся брови Юнь Шэна. Юнь-гэ ничем не уступал Юнь Цзину внешностью — наоборот, был гораздо красивее. Особенно эти изогнутые улыбающиеся глаза. Стоило Юнь Шэну улыбнуться, как на щеках появлялись две ямочки, и весь он становился живым и милым.

А теперь взять Юнь Цзина: по поводу и без надевает белый длинный халат, в руке постоянно складной веер, наряжается как городской молодой господин и ходит по деревне. И сравнить с Юнь-гэ, на котором одежда вся в заплатах.

ТЬфу. Ни одного хорошего человека в той семье.

Юнь Шэн помахал рукой перед глазами Шэнь Жаня и склонил голову:

— Ты чего? О чём задумался?

— Кстати, старшая невестка пару дней назад купила много ткани. Всё равно дома шьют одежду — пойдём, примеришь, подходит ли тебе, — сказал Шэнь Жань и поднялся, направляясь в дом.

Юнь Шэн поспешил за ним, одновременно смущённый и тронутый. Зачем им так стараться ради него? Он и так был благодарен, что дядя Шэнь и остальные кормили его, когда видели голодным. А теперь ещё специально сшили одежду. С тех пор как умерла мать, Юнь Шэн ни разу не носил новой одежды. Даже то, что было на нём сейчас, раньше носил Юнь Цзин, потом бросил, а Юнь Шэн подобрал и продолжал носить после бесконечных починок.

<http://bllate.org/book/25981/3141920>